

Grepl, Miroslav; Karlík, Petr

Грамматические средства иерархизации семантической структуры предложения

In: Grepl, Miroslav; Karlík, Petr. *Gramatické prostředky hierarchizace sémantické struktury věty*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1983, pp. 91-93

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121943>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЕРАРХИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Известно, что одну и ту же семантическую структуру предложения можно оформить, используя разные синтаксические формы, т. е. разместив ее партиципаны в разные синтаксические позиции грамматической формулы предложения (GVV). Отношения между партиципантами семантической структуры предложения и соответствующими им синтаксическими позициями понимаются как отношения диатезы (залога). Различаем (как для задач синтактико-семантического анализа предложенческих структур, так и в целях их описания и соотнесения плана значения с планом выражения) первичную диатезу (PD) и вторичную диатезу (SD). PD представляет отношение партиципантов семантической структуры предложения к соответствующим им синтаксическим позициям в базовой структуре предложения (ZVS). Предложенческие структуры с SD можно тогда понимать как производные и описывать их — по отношению к структурам с PD — как их разные результаты их трансформации (деривации). Различается SD первой инстанции: PD (ZVS) → SD и SD второй инстанции: PD (ZVS) → SD диатеза первой инстанции) → SD (диатеза второй инстанции). Структуры с PD, следовательно, представляют исходную диатезу для структур с SD первой инстанции, и последние, в свою очередь, могут представлять исходные структуры для SD второй инстанции. Сравни: *Děkan přídělil Petrovi novou pracovnu* (ZVS) → *Petr měl/má // dostal od děkana // děkanem přidělenou novou pracovnu* (SD первой инстанции) → *Když se dostane // *má přidělena od děkana // děkanem nová pracovna, to se dobře plní úkoly* (SD второй инстанции).

Деривированные синтаксические структуры, представляющие SD по отношению к ZVS позволяют или подчеркнуть роль некоторых партиципантов, или, наоборот, отодвинуть их на задний план. Последствием указанного «размещения партиципантов на сцене» может быть даже деконкретизация данного партиципанта, т. е. или его анонимизация, или обобщение. Итак, основной функцией SD является разного рода иерархизация семантической структуры предложения.

Различаем три основных внутренние дифференцированных типа иерархизации семантической структуры предложения. Наша типология основана, в сущности, на двух критериях: а) один из партиципантов освобождает позицию $S_{\text{ном}}$ (подлежащего) ZVS; какой другой партиципант может взамен за него занять его позицию? б) какие синтаксические конструкции (средства) используются в чешском для выражения этих сдвигов? Основные типы иерархизации семантической структуры предложения демонстрируются схематически на таблице (ср. 1).

SD в чешском часто сигнализируются специфическими формальными показателями, что находит отражение, в особенности, в форме V_f. Сюда относятся, в частности, синтаксические конструкции, содержащие возвратную глагольную форму, глагол *býti* + страдательное причастие, транспозицию формы 3 л. мн. ч., транспозицию остальных форм морфологической категории лица (иерархизация типа I: агенс — пациенс); глагол *mítí* + страдательное причастие, *dostat* + страдательное причастие (иерархизация типа I: агенс — реципиентс); глагол *nechat* // *dát* + инфинитив деагентизация типа агенс — инициатор); возвратную форму глагола (деагентизация типа агенс / экспериентс — пациенс), т. наз. словообразовательную рефлексивизацию, глагол *býti* + страдательное причастие; далее сюда относятся конструкции, основанные на древних, в настоящее время уже непродуктивных оппозициях «каузатив X не каузатив» (*umořit* × *umřít*), конструкции с глаголами, обозначающими простой переход из одного состояния в другое, не имеющие противоположного каузативного члена *zblednout* (декаузативизация). Употребление отдельных конструкций обусловлено рядом семантических факторов, которые можно описать с помощью семантических дистинктивных черт. В соответствии с наличием/отсутствием этих факторов употребление отдельных конструкций подчиняется правилам дистрибуции.

Оказывается, между прочим, что возможность употребления анализированных конструкций в значительной мере ограничена наличием семантических классов (групп) предикатов и семантических классов именных выражений, специфицирующих партиципанта предикатов. Разные возможности употребления той или иной конструкции с этой точки зрения представляются как показатели категориальных семантических черт классов предикатов и классов именных выражений, — следовательно, как формальные показатели их синтаксического поведения.

Из содержащегося в работе анализа, можно, однако, сделать еще и другие выводы, касающиеся в общих чертах т. наз. синтаксической валентности (сочетаемости способностей) глаголов и основанных на этой валентности грамматических формул предложения. Согласно традиции утверждают, что глагол (предикатор) обладает только одним потенциалом валентности, а именно тем, который соответствует форме изъявительного (условного) наклонения т. наз. действительного залога. Относительно других форм *Vf* или т. наз. неспрягаемых форм говорят только о редукции указанного потенциала. В форме инфинитива, например, валентность глагола действительно «сокращается» на синтаксическую позицию S_{nom} (подлежащего), ср.: *někdo vypráví něco někomu o něčem X vyprávět něco někomu o něčem*.

На основании указанных фактов можно было бы (формально) синтаксические структуры, построенные описанными в нашей работе способами, понимать также как разные варианты и результаты редукции полного потенциала валентности данных предикатов. Такая точка зрения, однако, постигает лишь одну сторону деривированных структур. Правда, многие средства деривации, на которые в этой работе обращается внимание и которые оказывают влияние на форму глагола-сказуемого, в самом деле редуцируют потенциал валентности предиката. Это касается, например, транспозиция всех форм морфологической категории лица: употребленные в предикате транспонированные формы действительно отличаются отсутствием позиции S_{nom} , хотя предикат выражен формой индикатива (кондиционала). В отличие от этого, например, в возвратной глагольной форме редукция валентности лишь мнимая, ср. *Sli jsme tam pěšky → Šlo se tam pěšky*. На самом деле «редукция» этого типа вызвана не наличием возвратной формы, а характером глагола, — тем обстоятельством, является ли он переходным, косвенно-переходным или непереходным. В случае наличия переходного, т. е. сочетающегося с S_{acc} , глагола-сказуемого, синтаксическая позиция S_{nom} даже при возвратной форме глагола не «утрачивается», ср. *Tu žádost jsme už dvakrát projednávali → Ta žádost se už dvakrát projednávala*. Можно, конечно, возразить, что в данном случае редуцируется именно позиция S_{acc} , однако считаем, что и этот факт не является особенностью данной формы (ср. польские предложения типа *Czyta się książkę*).

Однако допустивши тот факт, что средства, при помощи которых деривируются структуры, содержащие вторичную диатезу, редуцируют валентность предиката, мы все же утверждаем, что данный факт не является единственным или основным последствием их наличия. Дело в том, что многие из этих средств позволяют реализовать партиципанта, обязательное или факультативное выражение которого в ZVS зависит от характера валентности, в другой синтаксической позиции и форме. В особенности это касается партиципанта «агенса», часто выступающего в форме S_{instr} , которую можно лишь до известной степени понимать как позицию, не связанную с валентностью (факультативную).

В связи с этим нам представляется, что анализ и описание т. наз. базовых и деривированных синтаксических структур, проведенные в настоящей работе, позволяют рассматривать разные формально синтаксические структуры предложения скорее как парадигматическую совокупность предложений, отличающихся друг от друга разным GVV (грамматической формулой предложения, предложительской формой). Эти разные GVV отличаются друг от друга не только наличием редукции т. наз. полного потенциала валентности; наоборот, они позволяют помещать в обязательную позицию такие партиципанта, который в предложении с первичной диатезой выражается только факультативно, напр. партиципанта «инициатор», или превратить в конститутивный компонент структуры предложения выражение, находящее в ZVS только потенциальный характер, ср.: *Spala jsem celou noc (dobře) × Spala se mi celou noc dobře*. Если сравнить предложения *Jan a Marie se milují* и *Jan se miluje s Marií*, то оказывается, что в деривированной структуре конституирована новая валентность предиката *milovat* (сочетание с S_{instr}), а именно как обязательная.

Указанные аргументы приводят нас к заключению, что вряд ли можно предполагать наличие какой-то первичной (эксплицитной) валентности предиката, а другие формально

синтаксические структуры того же предиката рассматривать как разные результаты ее «редукции». Языковой действительности более соответствует такое понимание данного вопроса, которое считается с разным синтаксическим «поведением» предиката, т. е. с возможностью реализовать разные GVV, обладающие разными возможностями и формами сочетаемости. Можно, конечно, — и мы в настоящей работе с этим считаемся — условно исходить из того, что структурой с исходной диатезой считаются те предложения, которые содержат потенциальную позицию $S_{\text{пот}}$, первично занятую партиципантом «агенса» или «каузатора» (= производитель деятельности, действия). Такой подход к решению вопроса можно признать известным гносеологическим конструктом и в то же время исходным пунктом описания. Остается, однако, открытым вопрос, до какой степени этот конструкт соответствует языковой действительности.

Соблюдение указанного подхода к проблематике позволило нам охватить объединяющим взглядом предложения с разными GVV, в особенности постигнуть их известные трансформационные взаимоотношения и установить возможные случаи их эквивалентности. С другой стороны, мы отдаем себе отчет в том, что данный подход не выходит за рамки методологических целей и намерений и что из него нельзя выводить заключение, будто некоторые структуры «более первичны», а другие «более вторичны» с точки зрения системы языка или частотности их употребления. Оказывается, например, что деривированные с нашей точки зрения предложения, содержащие «каузатор», типа *Roztřásl se zimou, Hrdlo se mu sevřelo strachem, Uklidnil se četbou* в отношении системы, может быть, являются «более центральными», чем структуры, содержащие исходную диатезу (ZVS) *Zima ho roztřásla, Strach mu sevřel hrdlo, Četba ho uklidnila*.

Итак, мы понимаем разные синтаксические формы, построенные с помощью способов и средств, анализированных в нашей работе, как в основном эквивалентные (параллельные) возможности реализации той же семантической структуры предложения, позволяющие ее равную организацию (иерархизацию).

